

Анна Голубовская

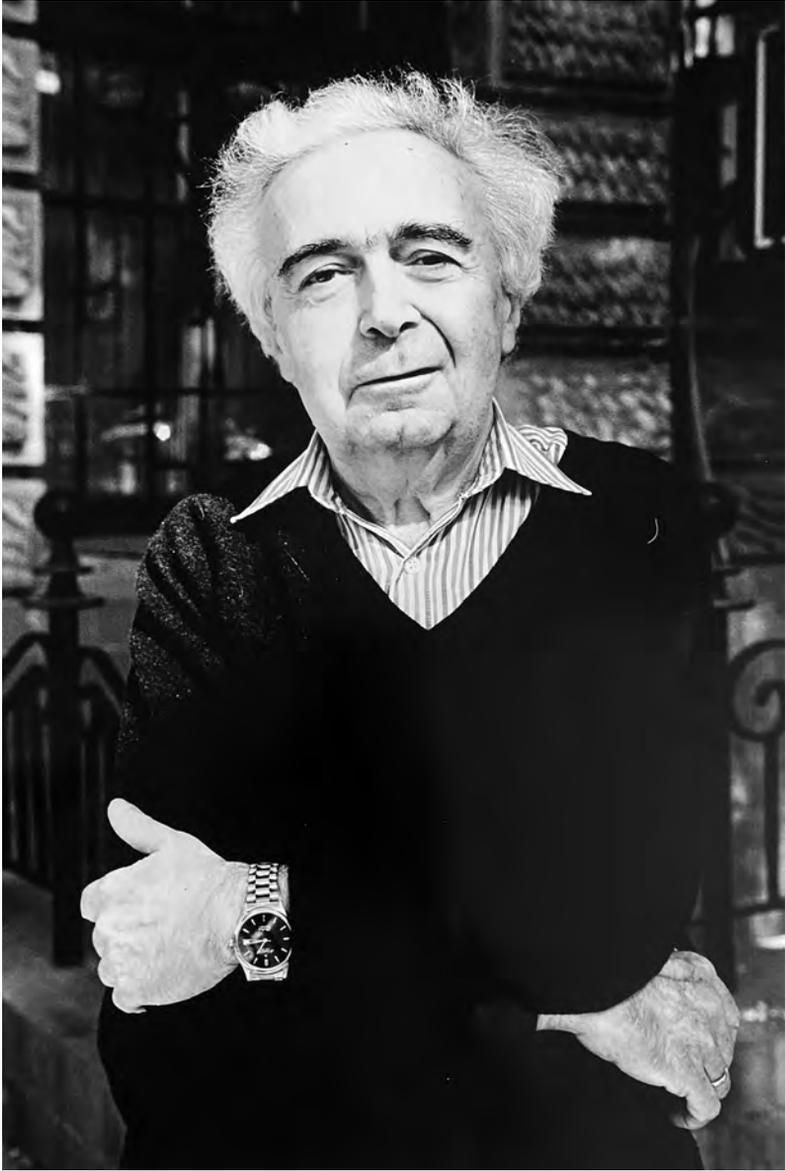
Осторожно беру в руки часы отца...

Осторожно взяла в руки часы отца. Браслет на пару звеньев больше, чем нужно. На папе они тоже болтались в последние месяцы. Но он не выпускал часы и телефон из рук. Звонков становилось все меньше, совсем не стало, и телефон, в какой-то момент разрядившись, остался брошенным, ненужным. А в часы отец до последнего вглядывался. Я запоздало посмотрела, не остановился ли ход, как бывает в книгах. Нет, они равнодушно отстукивают дальше. Теперь на моей руке.

Еще несколько недель назад я смеялась, глядя, как папа сверяет все домашние часы: «...пока недремлющий брегет не прозвонит ему обед». Где-то я вычитала, что двести с лишним лет назад людям, которые имели часы, было не по чему их сверить – одесские первые городские часы появились в 1822-м, на Покровской церкви. Каждый жил в своем времени.

Когда я училась считать в школе, примеры папа придумывал такие: курьерская скорость движения по дорогам была не больше 180 верст в сутки. Екатерина II умерла 6 ноября 1796 года. Сколько дней шла весть из столицы? Несложный расчет показывал, что жители Одессы еще десять суток, до 16 ноября, жили под правлением покойной императрицы. Оторопь у учительницы. Лукавая искорка в его глазах: а когда дошла весть до Сахалина?

От деда папе часы не перешли. Точнее, достались, но носить их было невозможно: дед предпочитал элегантную луковицу Доха на цепочке, швейцарскую, но с клеймом Баржанского. Он плохо видел после фронтовой контузии, а длинные стрелки различал.

Иногда меня шутя упрекают в геронтофилии. Наверное, психолог искал бы проекцию связи с отцом в моих друзьях на поколение старше, но нет. Я видела папу постаревшим только внешне, внутри для меня он оставался молодым. И друзья мои молодые, что бы ни писалось в их паспортах. Да мне и не нужен был бы еще один отец. Мы были не просто родными, а близкими друзьями, веселыми товарищами. Папа научил классе в третьем: неважно, как ты учишься, плевать на твои успехи во внешнем мире. Будь человеком. Есть ли у тебя друг, готовый сорваться в ночь в другой город, если тебе нужно лекарство? А ты готова для кого-то помчаться? Это стало точкой отсчета – по сей день.

Безусловная любовь, папин шепот с трудом выговаривающими слова губами: «Ты совсем не ешь... иди кушай... и не переживай. Не переживай...».

Иногда думаю, тягой к людям намного мощнее и умнее меня я скорее восполняю детскую потерю, оставшуюся от смерти деда.

Первые важные вещи я узнала от него до моих семи лет и его внезапного ухода в семьдесят: что такое смерть, откуда берутся дети, что любимый моим папой писатель Бабель не враг народу, что советская власть не для людей и что любить – это невзирая ни на что. Дед научил меня читать, писать, плавать, играть в шахматы, слушать Георга Отса, прививать деревья и любить всех встречных собак. Ненавидящий мелиху, дед просиживал часами за токарным станочком, слушая «Голос Америки», и когда его спрашивали, что за болванки он точит, хмыкал: бюст вождя, Владимира Ильича Ленина. Многие принимали за чистую монету.

Мы жили в одной пятидесятиметровой комнате, до революции бывшей классом еврейской школы: дед и бабушка, мои родители и я, папина сестра Ира, ее муж и бабушкина сестра Маруся. Маруся вообще жила за стеной, в небольшой комнатушке. Но ее сын Сережа, летчик, вернулся с Дальнего Востока с женой, родился сын, и чтобы не мешать им, она переехала к нам.

Между двух окон стояли напольные часы эпохи ар-нуво с изящными бабочками на циферблате. Маятник отбивал каждый час, мы привыкли и не замечали.

Потом мы переехали в крошечную квартиру на Черемушки, а после смерти деда часы стали, потускнели и как-то незаметно исчезли из дома бабушки и Иры в череде ремонтов.

Однажды в 90-х в антикварном магазине я вдруг услышала показавшийся знакомым громкий раскат.

Бабочки. Уже не кажущийся таким большим корпус – неужели это наши часы?

Проверить было несложно: в наших за циферблатом был ящик, кроме ключа там мы с дедушкой спрятали «секрет» – дореволюционную раковину с рельефной надписью на идиш, завернутую в его носовой платок.

Продавец ожидал чего-то существеннее, но кроме раковины там лежали только двадцать рублей по пятерке.

Папа не пришел, а прибежал, услышав, погладил часы, как гладят найденную чудом собаку, хотел выкупить их для меня. Ему поставить было негде. Я жила в коммуналке, мне тоже. Но достаточно было раковины, которую долго носила в кармане, а теперь задумчиво трогаю, вытирая пыль на полке.

Почему на швейцарских часах имя Баржанских? До сих пор памятное имя самых известных в Одессе XIX века часовщиков. Старший, Соломон, в 1853-м открыл крупнейший для своего времени магазин часов в доме графини Ржевуской – здание на Греческой, 21, (Ришельевской, 12) не сохранилось. Он, а затем его сын Иосиф заказывали в швейцарских мастерских хронометры, которые, как и Доха деда, украшались их фирменными логотипами. В 1871-м часовой салон был разграблен в ходе еврейского погрома, все подробности отражены в «Одесском вестнике» тех дней. Баржанским хватило сил оправиться от ущерба и работать до революции. Потом все национализировали.

Доха на цепочке висит на стене. Мне есть с чем сверяться. На моей руке теперь папины часы, продолжившие отсчитывать время после его ухода. Его время стало моим. И пока продолжается.

Фото автора